

И С Т О Р И И

О Н А С

*Посвящается С., И. и Д.
И Б., конечно*

**ЧЕТВЕРГ
15 ИЮЛЯ 1976 ГОДА**

- 4) I) Воду разрешается использовать исключительно для:
- (а) питья;
  - (б) стирки одежды или мытья;
  - (в) общественных и домашних туалетов.

*Акт о Засухе 1976 года
Для регулирования случаев засухи и нехватки воды в Соединенном Королевстве*

Хайбери, Лондон

Жара, жара. Она будит Гретту сразу после рассвета, вышвыривает ее из постели и гонит вниз по лестнице. Она водворилась в доме, как гость, которому уже не рады: лежит в коридорах, кружится у занавесок, грузно разваливается на диванах и стульях. Воздух в кухне заполняет все пространство, как твердое вещество, он придавливает Гретту к полу, прижимает к боковине стола.

Только она могла взяться печь хлеб в такую погоду.

И поглядите на нее теперь, вот она распахивает духовку и морщится от палящей воздушной волны, вытаскивая противень. Она в ночной рубашке, а волосы все еще накручены на бигуди. Она отступает на два шага назад, сбрасывает дымящуюся буханку в раковину, и ее вес, как всегда, напоминает младенца, влажное тепло новорожденного.

Всю свою замужнюю жизнь она трижды в неделю пекла пресный хлеб с содой. Она не намерена позволять какой-то ерунде вроде зноя этому помешать. Конечно, когда живешь в Лондоне, пахты¹ не достать, приходится обходиться смесью молока и йогурта. Женщина на мессе сказала ей, что это годится, и оно годится в какой-то степени, но все равно не получается как надо.

---

¹ Обезжиренные сливки, побочный продукт, получаемый при производстве масла из коровьего молока.

Услышав за спиной хлопок по линолеуму, она говорит:

— Это ты там? Хлеб готов.

— Опять... — начинает он, потом умолкает.

Гретта выжидает минутку, прежде чем повернуться. Роберт стоит между раковиной и столом, его большие ладони повернуты вверх, словно держат чайный поднос. Он на что-то внимательно смотрит. Возможно, на полированный хром крана, на ложбинки сушилки, на ржавеющую эмалированную мойку. Все, что их окружает, слишком привычно, и иногда невозможно сказать, за что зацепился взглядом: так люди не слышат отдельных нот в знакомом музыкальном фрагменте.

— Опять — что? — спрашивает она.

Он не отвечает. Она делает шаг навстречу и кладет руку на его плечо.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

В последнее время ей все чаще случается вспоминать о его возрасте: внезапная сутулость, легкое выражение растерянности на лице.

— Что? — Он поворачивает голову, чтобы посмотреть на Гретту, словно ее прикосновение его напугало. — Да, — кивает он, — конечно. Я просто хотел сказать, что опять жара будет.

Он, шаркая, сдвигается вбок — она знала, что он так и будет, — к термометру, который висит за окном на смоченной слюной присоске.

Третий месяц засухи. Уже десять дней жара за тридцать. Дождя нет не первый день, не первую неделю, не первый месяц. Над крышами домов не плывут, медленно и величественно, как корабли, облака.

С металлическим звуком, похожим на удар молотка по гвоздю, на окно приземляется черное пятнышко, словно

притянутое магнитом. Роберт, который по-прежнему смотрит на термометр, вздрагивает. У насекомого полосатое брюшко, вокруг торчат шесть лапок. На другом краю окна появляется еще одно, потом еще и еще.

— Вернулись, сволочи, — бормочет он.

Гретта подходит взглянуть, надевая очки. Они вместе в оцепенении смотрят на насекомых.

В последнюю неделю над городом пролетали полчища красноспинной тли. Она кишит в кронах деревьев и на ветровых стеклах машин. Застревает в волосах детей, идущих из школы, забивается в рот тем, кому хватает дурачности в такую жару ездить на велосипеде, лапки прилипают к намазанным солнцезащитным кремом конечностям людей, вышедших полежать на задний двор.

Тли снимаются с окна, их ножки отрываются от стекла одновременно, словно насекомых поднял какой-то тайный сигнал, и они исчезают в лазурном небе.

Гретта и Роберт разом выпрямляются с облегчением.

— Все, свалили, — говорит он.

Гретта видит, как он бросает взгляд на настенные часы — без четверти семь. Именно в это время он больше тридцати лет подряд выходил из дома. Снимал пальто с крючка, брал сумку, кричал «до свиданья», пока они шумели и гомонили в кухне, и захлопывал за собой дверь. Он всегда уходил в шесть сорок пять, минута, как говорится, в минуту, что бы ни происходило: отказывался ли Майкл Фрэнсис вставать, устраивала ли Ифа бог знает из-за чего скандал, пыталась ли Моника взять в свои руки жарку бекона. Не по его части, все это было не по его части, всегда. В шесть сорок пять он выходил за дверь — и до свиданья.

Кажется, у него подергиваются мышцы, замечает Гретта, что-то вроде рудиментарного стремления стартовать, отправиться в путь, выйти в мир. С минуты на минуту, она знает, он сорвется за газетой.

Упершись рукой в больное бедро, Гретта ногой выталакивает стул из-под стола, и Роберт говорит:

— Схожу на угол за газетой.

— Хорошо, давай, — отвечает она, не поднимая глаз. — До скорого.

Гретта усаживается за стол. Роберт принес все, что нужно: тарелку, нож, миску и ложку, пачку масла, банку джема. По таким малым проявлениям доброты люди и понимают, что их любят. А это, думает она, сдвигая вбок сахарницу, в их возрасте случается на удивление редко. Сколько ее подруг чувствуют, что мужья на них не обращают внимания, или переросли их, или вовсе не видят, как мебель, которая слишком давно стоит в доме. А у нее все иначе. Роберт вечно волнуется, где она, переживает, если она уходит из дома, не предупредив, раздражается, если выскальзывает так, что он не заметил, и начинает названивать детям, расспрашивать, где она и как. Это выводило ее из себя, когда они только поженились, — ей так хотелось немножко невидимости, немножко свободы, — но теперь она привыкла.

Гретта отпиливает горбушку и щедро намазывает маслом. Страшно слабеют руки и ноги, если вовремя не поесть. Много лет назад она сказала врачу, что у нее, наверное, гипогликемия¹ — когда прочла об этом в воскресной газете. Этим ведь может объясняться то, что ей так часто нужно есть, правда? Но врач даже не оторвал глаз от

¹ Патологическое состояние, характеризующееся снижением концентрации глюкозы в крови.

рецепта. «Боюсь, не повезло вам, миссис Риордан», — сказал он, нахал такой, и протянул ей диетическое меню.

Все ее дети любят такой хлеб. Она печет еще буханку, если собирается к кому-то из них в гости, и берет с собой, завернув в кухонное полотенце. Она всегда старалась, чтобы в ее родившихся в Лондоне детях продолжала жить Ирландия. Обе девочки занимались ирландскими танцами. Приходилось ездить автобусом аж в Кемден-таун. Гретта брала с собой форму для пирога с нарезанным кексом или пряниками и угощала других матерей — как и она, изгнанниц из Корка, Дублина или Донегола, — и они смотрели, как их дочери ныряют и выныривают, стуча каблуками под скрипку. У Моника, сказала преподавательница всего лишь после трех занятий, был талант, потенциал стать чемпионкой. Она-то сразу увидела, добавила преподавательница, она всегда таких примечала. Но Моника не хотела становиться чемпионкой, она даже на соревнования не хотела идти. «Ненавижу, — шептала она, — ненавижу, когда все на тебя смотрят, а судьи что-то записывают». Она всегда была такой пугливой, такой осторожной, пятилась, не желая выступить вперед. По вине Гретты или дети такими уже рождаются? Кто ж знает. Как бы то ни было, Гретте пришлось позволить Монике бросить танцы, хотя жалко было до слез.

Гретта настаивала на том, чтобы они все ходили к мессе и причастию (хотя посмотрите, что из этого вышло). Они каждое лето ездили в Ирландию, сперва к матери Гретты, потом в дом на острове Оумей, даже когда дети подросли и стали ныть из-за поездок. Когда Ифа была маленькой, ей нравилось все это волнение: ждать отлива, чтобы открылась дамба и показался гладкий стекляни-

стый песок, прежде чем можно будет перейти на другую сторону.

— Иногда это просто остров, — как-то сказала Ифа, ей тогда было лет шесть. — Правда, мам?

И Гретта обняла ее, сказав, что она умница. Станным она была ребенком, вечно что-то такое выдавала.

Как хорошо было в те годы летом, лучше и не бывает, думает Гретта, откусывая от второго куска хлеба с маслом. Моника и Майкл Фрэнсис гонялись допоздна, а когда родилась Ифа, стало с кем посидеть на кухне, с малышкой в кроватке, пока не нужно было идти звать остальных пить чай.

Нет, большего она сделать не могла. И все-таки Майкл Фрэнсис дал детям самые английские имена из всех. Даже второе имя не ирландское, спросила она. Она не разрешала себе думать, какими язычниками они растут. Когда в разговоре с невесткой она упомянула, что знает хорошую школу ирландских танцев к Кемдене, недалеко от них, та рассмеялась. Прямо ей в лицо. И сказала — как там? — это те, где руками шевелить нельзя?

Про Ифу, конечно, чем меньше говоришь, тем лучше. Она уехала в Америку. Не звонит. Не пишет. Живет, поди, с кем-нибудь, подозревала Гретта. Никто ей об этом не говорил; считайте материнским чутьем. «Оставь ее в покое», — всегда говорит Майкл Фрэнсис, если Гретта начинает расспрашивать про Ифу. Она ведь знает, Майкл Фрэнсис в курсе, если хоть кому-то что-то известно. Вечно они были неразлейвода, эти двое, несмотря на разницу в возрасте.

Последней весточкой от Ифы была открытка на Рождество. Открытка. С Эмпайр-стейт-билдинг. «Да ради всего святого, — выкрикнула Гретта, когда Роберт про-

тянул её фотографию, — она что, даже рождественскую открытку теперь послать не может? Можно подумать, — кричала она, — я ее растила не как следует!» Она три недели только и делала, что шила для малышки платье на конфирмацию¹, и та была в нем точно ангел. Кто мог подумать, глядя, как она стоит на ступенях церкви в белом платье и белых кружевных гольфиках, в развевающейся на ветру вуали, что девочка вырастет такой неблагодарной, такой эгоистичной, что пришлет матери на день рождения младенца Христа фотографию здания?

Гретта фыркает, погружая нож в красный рот баночки с джемом. Ифа не стоит того, чтобы о ней думать. Паршивая овца, как сказала ее сестра, и Гретта слетела с катушек, велела ей придержать поганый язык, но, нужно признать, Брайди была права.

Она крестится и быстро произносит про себя молитву за младшую дочь под вечно следящим оком Богородицы, взирающей с кухонной стены. Отрезает еще кусок хлеба, глядя, как расходится в воздухе пар. Она не станет сейчас думать об Ифе. Полно всего хорошего, на чем стоит вместо этого сосредоточиться. Сегодня может позвонить Моника — Гретта сказала, что будет возле телефона с шести. Майкл Фрэнсис обещал привезти на выходные детей. Она не станет думать об Ифе, не станет смотреть на ее фотографию в платье для конфирмации, стоящую на каминной полке, нет, не станет.

Вернув хлеб на решетку, чтобы проветрился до прихода Роберта, Гретта съедает ложку джема, просто чтобы поддержать силы, потом еще одну. Смотрит на часы.

---

¹ В латинском обряде католической церкви другое название таинства миропомазания, в ряде протестантских церквей — обряд сознательного исповедания веры.